

ПОЛИСУБЪЕКТНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ УТОПИЗМА

Усиливающийся динамизм социальной действительности неизбежно ведет к трансформации объясняющих ее исследовательских парадигм, позволяя более точно отражать развитие общества и воздействовать на него, предвидя ближайшие и отдаленные последствия такого воздействия. В настоящее время идет процесс формирования новой, постиндустриальной парадигмы обществознания, которая акцентирует внимание на характерном для современности личностном аспекте социального бытия, стремится отразить конвергентное переплетение социальной и присущей людям индивидуальности. Социальный процесс, с этой точки зрения, представляет собой полисубъектное образование, способ и результат самореализации человеческих индивидов.

Подобный подход заставляет пересмотреть исходные основания в оценке и интерпретации многих феноменов социального бытия и сознания, в том числе социальной утопии. Сложившаяся в отечественной философии традиция основана на критическом анализе утопии, ее сопоставлении с наукой, с научной теорией, попытками уличить ее в научной несостоятельности, в несоответствии утопических проектов реальным возможностям общественного развития, в недостижимости ее целей и непригодности предлагаемых средств. Даже Е. Л. Черткова, пытающаяся более комплексно взглянуть на феномен социальной утопии, в качестве ее наиболее общих опознавательных признаков отмечает «критику существующего общества и утверждение образца желаемого совершенного общественного устройства», логическим следствием которых был «максимализм, фанатизм, нигилизм, небрежение жизнью, ведущие к принесению настоящего в жертву будущему, человека – в жертву человечеству»⁷⁵.

---

⁷⁵ Черткова Е. Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., 1996. С. 157-158.

Однако во избежание однозначных оценок при изучении социальной утопии необходимо попытаться воспроизвести логику развития утопического сознания как способа и результата самореализации человеческих индивидов. Начнем с того, что Э. Фромм выделил такие атрибуты человеческого, как разум, способность к созиданию, социальность и символическое творчество, подчеркнув, что «человеческая природа – не только принцип, но и способность»⁷⁶. Это доказывает, с одной стороны, что утопизм, как разумно обоснованное стремление к совершенству, к идеалу, имманентен человеческой природе, с другой стороны, что он, будучи интенцией человеческой деятельности, не может существовать как нечто застывшее, неизменное. Но изучение процесса социальной утопии позволяет исследователям сделать вывод о том, что парадоксальным образом та форма, в которой выражались свободолюбивые устремления человека, именно свободе и противоречила.

Парадокс исчезает, если мы начинаем рассматривать социальную утопию не в «узком смысле» – как донаучное знание, предшествующее социальной теории, а в «широком смысле» – как феномен, существующий в обществе и изменяющийся вместе с ним. В этом случае обнаруживается, что социальная утопия отражает черты мировоззрения, преобладающего в данном конкретном обществе в определенное историческое время, то есть у утопии имеются «видовые» вариативные черты, принимаемые зачастую за «родовые», атрибутивные. Можно говорить о специфике западной и восточной утопических традиций, об особенностях трактовки социального идеала и поисках способов его реализации в разные эпохи, о преобладании разных видов утопии (например, «пространственных» или «временных», «ретроспективных» или «проективных»). Характерной чертой ранних утопий – утопий *традиционного* общества – является то, что социальный идеал не «создается», а «задается», «обнаруживается» – либо в «высокой древности» (Конфуций), либо в «идеальном мире» (Платон). По существу, социальный идеал трактуется как недостижимый, так как он связан с необходимостью восстановить

---

⁷⁶ Цит. по: Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 14.

существовавший некогда порядок вещей, вернуться от «эрзаца» к «образцу», к «Идее». Приблизиться к нему можно было на основе не личных, а коллективных усилий людей, в рамках того социального слоя, к которому они принадлежат (принцип «исправления имен» Конфуция, учение о трех сословиях идеального государства Платона). Заметим, что примат социального над индивидуальным, невычлененность личного из коллективного являются чертами, присущими мифологическому сознанию, рудименты которого впитала социальная утопия на стадии своего становления.

Для социальной утопии *модернизирующегося* общества характерно то, что идеал «созидается», «творится» автором утопии на основе «технического», «инженерного» подхода к действительности (Т. Мор, Ф. Бэкон). Это, заметим, отражает зарождающееся и крепнущее в эпоху Возрождения и Нового времени научное мировоззрение, развивающееся параллельно с секуляризацией духовной жизни и укреплением веры в разум человека. Социальная утопия развивается в рамках т. н. «ньютоновской» научной парадигмы, то есть представляет своего рода «идеальную модель» социума или, выражаясь словами Ф. Хайека, «сознательный» порядок в отличие от порядка «спонтанного»⁷⁷. Именно эти «видовые» черты социальной утопии воспринимаются как «родовые» и являются объектом критики со стороны многих исследователей, так как на место причинных зависимостей здесь действительно было поставлено идеальное должествование, а будущее формировалось не как продолжение настоящего, а как альтернатива ему. Но подобная идеализация, отрыв от действительности вкупе с механицизмом в большей или меньшей степени был свойствен всему научному знанию той эпохи, и не является атрибутивной характеристикой социальной утопии как таковой.

Однако рационализм Нового времени, слившийся с титанизмом Возрождения и прогрессизмом Просвещения, привел к тому, что социальный утопизм обрел черты радикального активизма, стал претендовать на всецелое преобразование мира посредством человеческого творчества. Действительно, опас-

---

⁷⁷ Цит. по: Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., 1996. С. 163.

ность утопизма состоит в том, что все действительное и реальное, включая и Человека, ради которого так старается утопист, может превратиться в средство для реализации идеальной цели. Но «голый» рационализм потерпел фиаско уже в середине 19 века, оказавшись несостоятельным и как гносеологическая категория, и как социальная установка. Признание весомости иррациональной и экзистенциальной компоненты в объеме человеческого знания не смогло не сказаться и на социальной утопии, которая в 20 веке обрела иные, казалось бы, несвойственные ей черты; на деле же произошла ее очередная видовая трансформация.

Эпоха *постмодернизма*, в которую вступило современное человечество, характеризуется разрушением привычных историко-философских схем, деконструкцией рационалистических форм организации исследования и описания феноменов человеческого бытия. Для социальной парадигмы «постмодернити» характерен акцент на самодетерминации личности, подтверждающий ее организующую роль в социальных структурах. Это обстоятельство во многом изменило и отношение к феномену социальной утопии, которая стала восприниматься как средство оценки реальности, как способ моделирования дополнительной позиции или точки зрения, с помощью которого можно выявить тенденции развития современного общества, сфокусировать внимание на некоторых незаметных пока формах, дать им образное воплощение. Реалии современности связаны с усилением роли человеческих индивидов в социальном процессе, который персонифицируется, соединяя социальное и личностное, выступая как «множество в едином». Это обуславливает полиутопизм (или, иначе, мультиутопизм) современности, характеризующийся множественностью социальных идеалов разных социальных, этнических и конфессиональных групп, среди которых особую роль начинает играть «женский» социальный идеал, исследуемый в рамках гендерного подхода.

Очередная метаморфоза социального утопизма, отразившая полисубъектную социальность современности, обнажила новые проблемы. Условием неконфронтационного сосуществования в потоке социального процесса различных, а порой и противоположных, идеалов, должна стать социокультурная

толерантность, понимаемая как «активное принятие существования другого даже при наличии возможности оказать то или иное воздействие на это существование»⁷⁸. Полиутопизм современности возможен только на основе диалога, а обеспечить его может принцип толерантности, положенный в основу базисных ценностей общества.

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии коммуникаций
Удмуртского государственного университета
И. А. Латыпов
Ижевск*

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Актуальность данной темы определяется возрастанием роли коммуникативных процессов в формирующейся информационной цивилизации и ростом значения производства информации в общественном производстве. Терпимость к Другому становится одной из важнейших характеристик духовных аспектов коммуникации в едином информационном пространстве. Уважение к чужим идеям, убеждениям предполагает не только восприятие духовной собственности (термин Г. В. Ф. Гегеля) как духовного продолжения личности, но и выработку новых представлений о толерантности и философии ненасилия.

Теоретическими основами исследования являются: теория коммуникативного действия и морального сознания Ю. Хабермаса, концепции информационного общества Д. Белла и О. Тоффлера, авторские исследования по социальным аспектам духовной собственности в информационном обществе.

Информационная революция послужила движущей силой развития новых субкультур в массовой культуре постиндустриального общества. Эти субкультуры можно привязывать к информационным сообществам (термин Е. Масуды), связан-

---

⁷⁸ Хомяков М. Б. Толерантность и современная цивилизация // Толерантность. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2000. С. 8.